

Н. А. Добролюбов

Кобзарь Тараса Шевченка

Коштом Платона Семеренка. СПб. 1860.

Н. А. Добролюбов. Литературная критика

М., ГИХЛ, 1961

[OCR Бычков М. Н.](#)

Появление стихотворений Шевченка интересно не для одних только страстных приверженцев малороссийской литературы, но и для всякого любителя истинной поэзии. Его произведения интересуют нас совершенно независимо от старого спора о том, возможна ли малороссийская литература: спор этот относился к литературе книжной, общественной, цивилизованной,-- как хотите называйте,-- но во всяком случае к литературе искусственной, а стихотворения Шевченка именно тем и отличаются, что в них искусственного ничего нет. Конечно, по-малороссийски не выйдет хорошо "Онегин" или "Герой нашего времени", так же, как не выйдут статьи г. Безобразова об аристократии¹ или моральные статьи г-жи Тур о французском обществе². Конечно, все эти статьи можно перевести и на малороссийский язык, но считать этот язык действительным малороссийским будет великое заблуждение. Те малороссы, которым доступно все, что занимает Онегина и г-жу Тур, говорят уже почти по-русски, усвоивши себе весь круг названий предметов, постепенно образовавшийся в русском языке цивилизацией высших классов общества. Настоящие же малороссы, свободные от влияния русского языка, так же чужды языку книжной литературы, как и наши простолюдины. Ведь и у нас язык литературы -- собственно, не русский, и через сто лет над нами, конечно, будут так же смеяться, как мы теперь смеемся над языком *ассамблей* петровского времени. Но у нас бестолковая смесь пяти языков организовалась довольно скоро и составила то, что мы теперь называем языком образованного общества. Это оттого, во-первых, что нам уж решительно нечем было взяться: новые понятия и новые предметы врываются толпой, назвать их не умеем, да и около нас негде взять; а между тем название нужно во что бы то ни стало. Поневоле брали готовое или выдумывали, как попадется. Во-вторых, книжные понятия и слова, хотя и не прошли в народ, но все-таки захватили у нас довольно значительную часть общества и проникли в законодательство. В Малороссии эта масса общества, занятого литературным языком, несравненно меньше, да нет им и такой нужды перевертывать на свой лад каждое название вновь являющегося у них предмета: они получают эти названия не из какого-нибудь латинского языка,-- где уж как ни бейся, а надобно "us" отбросить и дать слову свое склонение,-- а из языка родственного, имеющего почти те же формы. Таким образом, слова, принятые в русском, целиком входят в малороссийский язык, и случается встречать такие малороссийские статьи, в которых почти только *що, аж, бо, чи* и тому подобные частицы и напоминают об особенностях наречия.

Но само собою разумеется, что никто не откажет малороссийскому, как всякому другому, народу в праве и способности говорить своим языком о предметах своих нужд, стремлений и воспоминаний, никто не откажется признать народную поэзию Малороссии. И к этой-то поэзии должны быть отнесены стихотворения Шевченка. Он -- поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя. Даже Кольцов нейдет с ним в сравнение, потому что складом своих мыслей и даже своими стремлениями иногда отдаляется от народа. У Шевченка, напротив, весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан. Был он и в кругу *образованного* общества, малорусского и великорусского, но долгое время встречал в нем лишь отталкивающую презрительную грубость, притеснения, насилия, несправедливость, и зато, при первых же лучах нравственного, свободного сознания, тем сильнее устремился он душою к своей бедной родине, припоминая ее сказания, повторяя ее песни, представляя себе ее жизнь и природу. Что вытерпел Шевченко в юных годах и на чем воспитывался ум и талант его, об этом он сам рассказал недавно в письме к одному из редакторов "Народного чтения"³ (Нар. чт., 1860 г., кн. II, стр. 229--236). Мы решаемся привести почти все это письмо, полагая, что рассказы о судьбе людей, подобных Шевченку, должны получать самую широкую известность в нашей публике. Вот рассказ Шевченка:

Я -- сын крепостного крестьянина, Григория Шевченка. Родился в 1814 году, февраля 25, в селе Кирилловке, Звенигородского уезда, Киевской губернии, в имении одного помещика. Лишившись отца и